

Література

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре : Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
2. Богданов К. А. Повседневность и мифология : Исследования по семиотике фольклорной действительности / А. К. Богданов. – СПб. : [б. и.], 2001.
3. Гаврилюк Е. Вступне слово / Е. Гаврилюк // Студії з Інтегральної Культурології (Спец. вип. “НЗ”). – 1999. – № 2. – С. 6–12.
4. Дереш Л. Культ / Л. Дереш. – Л. : Кальварія, 2006. – 208 с.
5. Корнієнко Н. Запрошення до хаосу. Театр (художня культура) і синергетика. Спроба нелінійності / Н. Корнієнко; Нац. центр театр. мистец. ім. Леся Курбаса. – К. : [б. в.], 2008. – 246 с.
6. Нямцу А. Трансформація літературної традиції (закономірності та своєрідність) / А. Нямцу // Вісн. Львів. ун-ту : сер. філол. – 2004. – № 33(2). – С. 3–8.
7. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – М. : [б. и.], 1986. – 386 с.
8. Романко Т. Художня трансформація обряду ініціації у романі Любка Дереша “Культ”: семантичний і прагматичний аспект / Т. Романко // *Studia Methodologica : Антропология літератури : комунікація, мова, тілесність*. – 2008. – № 25. – С. 172–176.
9. Топоров В. О ритуале. Введение в проблематику / В. Топоров // *Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках*. – М. : [б. и.], 1988. – С. 7–60.
10. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – М. : Инвест-ППП, 1996. – 240 с.
11. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – СПб. : Алетейя, 1998. – 249 с.
12. Юнг К. Г. Душа и миф : шесть архетипов / К. Г. Юнг. – Киев : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996. – 384 с.
13. Nahacz M. *Woscian i Lola* / M. Nahacz. – Woioiwiec : Wydawnictwo Czarne, 2005. – 200 s.

УДК 82.091

Ирена Рудзевич

ЛЮБОВЬ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ И МАРИИ ПАВЛИКОВСКОЙ-ЯСНОЖЕВСКОЙ

Исследуется описание любовных переживаний в ранней лирике Анны Ахматовой и Марии Павликовской-Ясножевской.

Ключевые слова: любовь, лирика, интимный мир чувств.

Рудзевич Ірена. Кохання в ранній ліриці Анни Ахматової та Марії Павликовської-Ясножевської. Досліджуються любовні переживання в ранній ліриці Анни Ахматової та Марії Павликовської-Ясножевської.

Ключові слова: кохання, лірика, інтимний світ почуттів.

Rudzevych Irena. Love in the Early Lyrics of Anna Akhmatova and Mary Pavlykovska-Yasnozhevsk. Study describe experiences of love in the early lyrics of Anna Akhmatova and Mary Pavlykovska-Yasnozhevsk.

Key words: love, lyrics, intimate world of feelings.

В ранних сборниках стихов Анны Ахматовой (1889–1966), например: “Вечер” (1912), “Чётки” (1914), “Белая стая” (1917), и Марии Павликовской-Ясножевской (1893–1945), таких, как “Niebieskie migdały” (1922), “Różowa magia” (1924), “Pocałunki” (1926) описаний любви и любовных переживаний относительно много, они сдержаны и поэтичны, полны чувства, тепла и светлой прелести, написаны с точностью и достоверностью, образно и эмоционально.

Наряду с отражением переживаний, внутренних сотрясений, зарождающихся чувств, поэтессы неоднократно обращаются к пейзажным зарисовкам, картинам природы, которые становятся фоном, а многократно местом для происходящих событий и душевных испытаний, усиливают эмоциональную нагрузку, экспрессивную выразительность, психическое состояние.

Мир природы помогает раскрыть интимный мир чувств, самые сложные переживания, впечатления и настроения, является активным участником как глубоких страданий, так и большой радости. Он входит в живую ткань стихотворений реально, в очень ощутимых, зримых и красочно описанных деталях, цветах и подробностях, что свидетельствует о сильной привязанности обеих поэтесс к родным местам, об их чутком отношении к возлюбленным уголкам.

У Анны Ахматовой любовь “то в инее ярком блеснет, почудится в драме левкоя” [1], когда “веют липы сладко ...” (с. 36) или “на солнечном восходе” (с. 40) про любимого поёт, то уходит и тогда “сердце моё тоскует” (с. 56), а “лёгкий ветер на воле по-весеннему свеж и неровен” (с. 58), и приходится дальше жить, “просто мудро жить, смотреть в небо, молиться Богу” (с. 62), наблюдать природу, её развитие, красоту и наслаждаться этим:

*Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины жёлто-красной,
Слагаю я весёлые стихи
о жизни тленной, тленной и прекрасной (с. 64).*

В начальном этапе творчества поэтессы часто обращаются к весенним пейзажным зарисовкам, говоря о начале чувств, о пробуждении дружбы, любви и симпатии к другому человеку, как, например, в стихотворении “Ogród” польской поэтессы:

*Gdy wiosna zaświta,
Jest w ogrodzie raz ciemniej, raz jaśniej.
Wciąż coś zakwita, przekwita.
Wczoraj kwitło moje serce. Dziś jaśmin [2].*

Красота, разнообразие и красочность весенней природы удивляет и восхищает героиню лирики Ахматовой, которая под влиянием начинающегося чувства замечает не только прелесть окружающего её мира, но и умеет ею наслаждаться, радоваться, углубляясь в свои тревожные ожидания, мимолетные наблюдения, необъяснимые волнения:

*Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луч,
Шумят деревья весело-сухие,
И тёплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаёшь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую с волнением поёшь (с. 100).*

Весеннее пробуждение природы, мимолетное состояние природных явлений очень чётко подчёркивают ожидание и рождение чувства, появление любви и тех мгновений, которые приносят как радость, так и её предчувствие. В стихах поэтесс появляется восхищение и наслаждение красотой природы и полнотой жизни, её материальными условиями и предметным миром. Исчезает грусть, боль, тоска, куда-то уходят неуверенность и ожидание, растёт внутренняя гармония и духовное спокойствие:

*То пятое время года,
Только его славославь.
Дыши последней свободой
Оттого что это – любовь.
Высоко небо взлетело, –
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей (с. 100).*

У польской поэтессы это первое чувство, появляющееся с приходом весны, является настолько сильным, что разрастается мгновенно, принося радость и наслаждение, духовное и телесное удовлетворение, развивается и ищет всё новых впечатлений:

*Z wichru splotnie moja miłość nowa –
Miłość nowa – z burzy szal wystrzeli –
Szal wystrzeli – sen rozkosz wychowa,
Wiosna wstanie w różowej kąpielu [3].*

Поэтессу наиболее интересуют первые проявления чувств, знакомство, первая улыбка, вздохи, биение сердца, переходящее в полную отдачу себя любимому человеку. Это первое чувство было удивительно ярким, значительным, заполняющим душу и сердце, что даже при расставании, при уходе любимого, при прощании героиня готова простить всю свою боль, отчаяние, разочарование и даже своё одиночество, оставляя только добрые воспоминания о моментах радости:

*I czegoż ci nie przebaczę,
uśmiechając się jak gejsza?
Tawet słowa od lodu zimniejsze
nawet to, że cię już nie zobaczę! ... [4].*

Самые первые, радостные, сладостные моменты любви оказываются и самыми непродолжительными, мимолетными, переходят в длительные переживания ревности, сомнений, подозрений, минуты расставаний, а потом одиночества и страданий, горечи и сомнений, когда героиня “*dno traci, i w powietrzu tonie*” [5]. Самое интересное, несомненно, что эти трудные минуты ухода любви или возлюбленного показаны спокойно, без обвинений, без плача и рыданий, хотя с огромной болью и страданием, иногда с пониманием и дозой тепла. За уход чувства обычно обвиняет себя, своё сердце, свою душу, своё неумение удержать любимого:

*Nikogo nie otruję,
nikogo nie zabiję,
serce to jest niczyje,
jest ono tylko – moje
w czarodziejską potrawę
wrzucę mą własną duszę [6].*

Очень часто расставание с возлюбленным поэтесса сравнивает со смертью, хотя не может поверить, что любовь можно убить, уничтожить, что можно жить одиноко, без любимого человека. Эти сомнения выражены в стихах риторическими вопросами:

*Słowiki są dziś nieswoje,
Bzy są jak chmury krzyżyków.
Chcesz zabić serce moje?
Przecież się nie zabija słowików?* [7].

Поэтесса многократно подчёркивает, что после всепоглащающей, огромной любви трудно остаться одной, жить только воспоминаниями среди предметов, которые напоминают о счастливых минутах, о самом близком человеке, но заменить его не могут. Даже после ухода, несмотря на заданную боль, ощущаемое одиночество, героиня постоянно ощущает связь с тем, которого любила, непрерывно о нём думает, носит траур в сердце, и любая вещь, каждая мелочь ей о нём напоминает:

*Wybrzeże coraz bledsze
w liliowej półzałobie
i żaglowiec oparty na wietrze
jak ja na myśl o tobie ...* [8].

Очень трудно расставаться с мечтами о любви, со счастьем, “które się nie trafia”, с надеждой и верой, что рядом было “czyjeś ciało”, кто-то говорил и рассказывал о своих чувствах, которые приближали “ziemię całą”. Эти минуты нечем заменить, очень трудно жить без них, когда “zostanie tylko fotografia, to-to jest bardzo mało ...” [9]. Невозможно поверить, что любимого уже рядом нет, всё было или сном, или обманом, или мечтой и невозможно поверить, “że mnie nie kochano, po prostu” [10].

То же для Ахматовой – пейзажный фон, написанный в лаконичной и реалистической манере, помогал передать эмоции и ощущения, личные желания и ностальгическое состояние влюблённой, любящей и мечтающей о любви женщины, которая наслаждается полнотой жизни, красотой мира, материальностью быта и окружающих предметов. “Любовь в стихотворениях Ахматовой – это чувство живое и подлинное, глубокое и человеческое, хотя в силу реальных жизненных причин было тронутое печатью облагораживающего страдания” [11]:

Любовь

*То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,*

*Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно её угадать
В ещё незнакомой улыбке (с. 32).*

В трудные минуты расставаний меняется у Ахматовой и пейзаж. Он перестаёт быть фоном или участником событий, а начинает жить самостоятельной жизнью, не подчиняется переживаниям и страданиям героини, существует сам по себе. Такие природные зарисовки отвлекают женщину от драматических раздумий, мучений, тягостных воспоминаний о нераздельной и несчастной любви. Она начинает по-другому смотреть на мир, становится более наблюдательной, “очень спокойная” (с. 80), раздумывает “отчего устал ты?” (с. 36), если с ним была “мне сладостная земля!” (с. 82). Героиня пробуждается к новой жизни, раскрывается на новые впечатления, опять умеет видеть, наблюдать и замечать окружение, недекоративный пейзаж, точные вещественные детали:

*На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню и помнить не надо [12].*

Польская поэтесса всю жизнь мечтала о настоящей любви, искала её и эти поиски отражала в лирике, создавая стихи полные чувствительности, эмоциональности, раскрывающие мир женской души переполненный переживаниями, чувствами, радостью, горечью, болью и мечтами. Её интересовало всё новое, таинственное, магическое, современное, она играла, писала картины, мечтала о прекрасной любви, узнавала и осваивала мир как для себя, так и для других [13].

В её стихах много женственности, игры, чувства юмора, улыбки и радости жизни, хотя появляются и мотивы тоски, уныния, страдания, боли расставаний. Очень рано выступил и на протяжении всего

творческого пути повторялся мотив уходящей быстро молодости, пропадающей красоты, что могло стать причиной ухода любви, уменьшения интереса со стороны мужчин. Убегающее время приносит многие изменения в судьбу женщин, а появляющиеся морщины во многом меняют её подход к жизни и взгляд на окружающую действительность. По мнению поэтессы, когда появляются первые признаки увядания, продолжается уже не жизнь, а только её воспоминания:

*Te dwie zmarszczki przekreśliły cię skrycie
i choć tańczysz z beztroską motyla,
w twojej sukni półniebieskiej, półlila
jesteś już jak wspomnienie, nie jak życie [14].*

Меняется тогда у поэтессы и фон стихов. При таких раздумьях и переживаниях появляются картины осени, уходящего лета, умирающих листьев, деревьев, замирающей природы, что усиливает чувство безнадежности, одиночества, тоску, грусть, неверие в возможность счастливой любви:

*Rumieńce lata poblady.
Liść złoty z wiatrem mknie.
I klonom ręce opadły,
i mnie ... [15].*

У польской поэтессы, как нам кажется, в большой степени, нежели у Ахматовой, важную роль играют физические ощущения, чувственные наслаждения, которые представлены в широкой и богатой гамме, с использованием красок, зрения, чувства слуха, прикосновения, цветовой гаммы. Её первые сборники стихов – это исповедь молодой, чувствительной, привлекательной, счастливой и радостной женщины, которая любит жизнь, наслаждается её проявлениями, ищет разнообразных впечатлений, выражает оптимизм и надежду, веру в счастье и настоящую любовь.

В своих высказываниях она искренняя, открытая, смелая в поисках чувства и эротики, женственности и физических ощущений. Для лирической героини важно, чтобы любимый был рядом, проникал всё её существо, вошёл в сердце и соединился с ней в единое целое, а тогда появляется чувство радости и наслаждения, счастья и сладости, удовлетворения и успокоения, а всё остальное в мире может тогда исчезнуть и погибнуть:

*Niech zginie noc, poranek,
blask księżycy czy słońca,
lecz niech on we mnie wnika
jak skrzypcowa muzyka –
gdy mi do serca dotrze,
będę tym, co najśłodsze,
Nim. – [16].*

Во многих стихах поэтесса проводит подробный и непосредственный анализ как внутренних переживаний, так и внешних физических ощущений, связанных с любовью, но делает это очень тактично, спокойно, с большой выдержкой и культурой:

*Usta twoje: ocean różowy.
Spojrzenie: fala wzburzona.
A twoje szerokie ramiona:
Pas ratunkowy ... [17].*

У Ахматовой и Павликовской-Ясножевской очень ярко проявляется желание и стремление выразить те впечатления, которые трудно, почти невозможно передать и отразить словами. Эти смутные, неопределённые и невысказанные эмоции, психическое состояние души, нечёткие и не до конца осознанные переживания поэтессы пытаются отразить, используя музыкальные и цветовые средства, экспрессию цветовой гаммы, из которой выбирают прежде всего тона светлые, ясные, солнечные, придающие сильную эмоциональность описываемым явлениям.

Пастельные, не изысканные тона, неброские краски, употребление полутонов и светотени подчёркивает как ожидание, рождение и начало чувств, так и мимолетность тех мгновений счастья и радости, трудно выражаемых словами, которые, однако, сильно влияют на жизнь героинь. У Ахматовой повторяются краски и определения светлые, нежные, такие как: белый, зелёный, золотой, светлые, жёлтый, ясно-солнечный, ясный, голубой, позеленело, добела ... У Павликовской чаще появляются определения тёплые, радостные (*złociste, jasne, różowe, ciepłe, modre, zielony...*), но выступают и оттенки более мрачные, предвещающие моменты расставаний, неуверенности, непонятных прощаний и ухода (*fiolet, półlila, czerń, półniebieski, szary, bledszy, różółkły, półżałobie...*), когда остаются только воспоминания и тоска:

*Życie moje wstawione w cień
wiednie bez światła dziennego.
Codziennie opada z niego
pożółkły, zwiędły dzień ... [18].*

Поэтессы, описывая женские радости, печали, переживания, впечатления, наслаждения, поиски и сомнения, всю гамму чувств и их оттенков, используют разнообразные краски, цветообозначения, цветные слова и сочетания, весь спектр цветовой гаммы.

“Цвет издавна был выразительным художественным средством – самым распространённым у всех народов и во всех странах, – считают многие исследователи. – Символистическое поле цвета очень широкое, оно зависит от исторической эпохи, места, уровня, культурного развития ...” [19].

В период зарождения чувства, ожидания его прихода, начальной стадии его развития поэтессы обращаются к весенним образам природы, к весенним пейзажным зарисовкам, помогающим передать всё богатство внутренних открытий, глубоких переживаний, мироощущение, полное тревоги, надежды, ожидания и веры. Эти первые впечатления чаще всего описаны на фоне мест, с которыми поэтессы очень сильно связаны, о которых часто и с удачно подмеченными деталями и мелочами говорят, подробно их описывая, привязаны к вещам, напоминающим любимых, минуты радости, блаженства, спокойствия и безопасности.

При описании этих весенних пейзажей, любимых мест и вещей поэтессы многократно употребляют разнообразные цветообозначения, различные конструкции со значением цвета, усиливающие как элементы ожидания и радости, жажду и пробуждение подлинной любви, рождение и улавливание душевных чувств и их мгновений, трудно выражаемых словами, так и настроение тревоги, неуверенности, боязни, ревности, страданий, боли расставаний и прощаний. Эти многообразные цветные элементы содержат сильную смысловую нагрузку, несут коммуникативную функцию, соединяют лирического героя с близкими его сердцу местами, отражают эмоциональный подход героя к происходящим событиям и описываемым местам, его самые глубинные впечатления и скрытые мысли:

*Иду по тропинке в поле,
Вдаль серых сложенных бревён.
Здесь лёгкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен (с. 58)*

*Чернеет дорога приморского сада,
Жёлты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нём говорить (с. 90).*

Представляя события, места, переживания героинь, поэтессы употребляют определённые системы речевых средств, обычно нейтральную лексику, самые простые выражения, а иногда слова грубые, низкие, что создаёт впечатление полифонии слова, наполняя их не только неоднозначностью, необыкновенностью, многогранностью, но и необычной поэтичностью, яркостью, красочностью, выразительностью и образностью. Для большинства стихов из первых сборников для обеих поэтесс характерен лаконизм, ясность, прозрачность описаний, близость языка и лексики к разговорной, повседневной речи, простота и обычность быта, детали вещественного окружения и природного мира, реалии ежедневного существования.

В центре их внимания остается, однако, интимный замкнутый женский мир в богатстве и правдивости душевных переживаний, в психологической глубине и нравственной чистоте чувств, в контактах, взаимосвязях и взаимоотношениях с природной средой. Это сочетание огромной женственности, мягкости, трогательности, нежности в выражении ощущений, особенно первых, несмелых, пробуждающихся, иногда сильно контрастирует с энергичными движениями, резкими жестами, “низкими” словами, простым языком.

*Лучше б мне частушки задорно выкликать,
А тебе на хриплой гармошке играть,
И, уйдя обнявшись на ночь за овсы,
Потерять бы ленту из тугой косы (с. 94).*

*Nie widziałam cię już od miesiąca.
I nic. Jestem może bledsza,
trochę śpiąca, trochę bardziej milcząca,
lecz widać można żyć bez powietrza! [20].*

Первые стихи о любви польской и русской поэтесс в своём большинстве овеяны грустью, ностальгией, полны подлинных, благородных, правдивых и глубоких чувств, тонких и нежных переживаний и открытий. Они просты и лаконичны в своей художественной форме, удивительно ёмки и богаты в развитии психологически насыщенных образов, полны веры в победу наиболее прекрасного чувства на земле – любви. Желание любви, вера в появление настоящего чувства настолько сильны, что поэтессы в свои стихи вводят христианские мотивы, религиозные аспекты, элементы молитвы, обращение к Богу с просьбой найти истинную любовь и поэтический дар, чтобы её воспеть.

*Я так молилась: “Утали
Глухую жажду песнопенья!”*

*Но нет земному от земли
И не было освобожденья.*

*Как дым от жертвы, что не мог
Взлетать к престолу сил и славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, –*

*Так я, господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной (с. 84).*

Modlitwa

*O pocałunku, któryś jest w niebie
razem z duszami bzu i jaśminu!
Krwi i bezsennych łąk gwiazdnych synu!
O pocałunku, któryś jest w niebie!
O treści wszystkich myśli i czynów!
O upragniony mej duszy chlebie!
Tęsknoto wichrów! Bajko jaśminów!
O pocałunku, któryś jest w niebie!
Me smutne usta zwiędną w czas krótki,
a gdy z nich barwa oddana glebie
w amarantowe przejdzie stokrotki –
wówczas mi zagrasz twą pieśń skrzypcową,
zamkniesz mnie w obce wieczności słowo,
o pocałunku, któryś jest w niebie!!! [21].*

Поэтессы, используя простоту художественной формы, говорят о живых и подлинных, правдивых и глубоких человеческих чувствах, их нравственной чистоте и благородстве, развивая свои излюбленные темы и образы, мотивы и картины, обращаясь к собственным воспоминаниям и личным переживаниям, которые многократно обретают исповедальный характер. Немаловажным, кажется, для обеих поэтесс является желание показать сложный внутренний женский мир в постоянных связях с природой, в подробно и рельефно описанных бытовых условиях, среди излюбленных предметов, напоминающих любимых.

Используя малую форму, поэтессы насыщают её глубоким содержанием, психологически сложными переживаниями, непосредственным своеобразием, напряжением духовного женского мира. Всё, что входило в их стих, “всегда жило в нём полнокровной, реальной жизнью, данной в зримых, очевидных и материальных подробностях ... в детально о вещественном анализе собственного любовного чувства – в его переливах, переходах, противоречиях и неожиданностях” [22]. Говоря о чувствах, о радостях и страданиях, связанных с любовью, поэтессы прежде всего вели непрерывные поиски смысла жизни, высоких нравственных идеалов, душевной чистоты, сосредоточенности и правды о достоинствах и переживаниях женской души.

Литература

1. Ахматова А. Стихотворения / А. Ахматова. – М. : Радуга, 1989. – С. 32. (Следующие цитаты из этого сборника даются в тексте с обозначением страниц в скобках).
2. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Pocałunki / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; wybór Andrzej Źmuda. – Warszawa ; Rzeszów, 2008. – S. 22.
3. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Wybór poezji / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; opracował Jerzy Kwiatkowski. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1972. S. 6.
4. Pawlikowska-Jasnorzewska. Smak miłości / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; wybór Andrzej Źmuda. – Warszawa ; Rzeszów, 2008. – S. 58.
5. Ibidem, s. 37.
6. Ibidem, s. 45.
7. Ibidem, s. 54.
8. Ibidem, s. 98.
9. Ibidem, s. 141.
10. Ibidem, s. 150.
11. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой / В. Н. Жирмунский. – Л. : [б. и.], 1973. – С. 43.

12. Achmatowa A. Poezje / A. Achmatowa ; wybór i posłowie Jadwiga Szymak-Reiferowa. – Wyd. II. – Kraków : Wyd. Literackie, 1986. – S. 20.
13. См. м. лр. работы : Czuplejewicz E. Poezja jako dialog / E. Czuplejewicz. – Warszawa, 1981. – S. 87–118 ; Starowieyska-Morstinowa Z. Ci, których spotkałam / Z. Starowieyska-Morstinowa. – Kraków, 1962 ; Terlicki T. Przypisy. [w:] M. Pawlikowska-Jasnorzewska. Ostatnie utwory / T. Terlicki. – Londyn, 1956 ; Samozwaniec M. Maria i Magdalena / M. Samozwaniec. – Kraków, 1956 ; Pawlikowska na tle prądów kulturalnych epoki. [w:] A. Sandauer. Samobójstwo Mitrydatesa. Eseje. – Warszawa, 1968. – S. 69–97 ; Zacharska J. Miniatury poetyckie Pawlikowskiej w “Pocałunkach”. “Przegląd Humanistyczny”. – 1967. – Nr 2. – S. 71–88 ; Buczkówna M. Maya w ogrodzie słów. “Poezja” / J. Zacharska. – 1970. – Nr 7. – S. 9–22.
14. Pawlikowska-Jasnorzewska. Smak miłości / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; wybór Andrzej Żmuda. – Warszawa ; Rzeszów, 2008. – S. 108.
15. Ibidem, s. 110.
16. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Pocałunki / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; wybór Andrzej Żmuda. – Warszawa ; Rzeszów, 2008. – S. 35.
17. Ibidem, s. 45.
18. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Poezje / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; wybrała i wstępem opatrzyła Maria Józefacka. – Lubelskie, 1986. – S. 96.
19. Язык и культура. Взаимопонимание. – СПб. : [б. и.], 1999. – С. 12. (См. др. работы: Бахилина К. Б. История цветообозначений в русском языке / К. Б. Бахилина. – М., 1975 ; Васильевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Васильевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. – М., 2005 ; Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство / Р. М. Фрумкина. – М., 1984).
20. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Poezje / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; wybrała i wstępem opatrzyła Maria Józefacka. – Lubelskie, 1986. – S. 85.
21. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Pocałunki / M. Pawlikowska-Jasnorzewska ; wybór Andrzej Żmuda. – Warszawa ; Rzeszów, 2008. – S. 62.
22. Павловский А. П. Анна Ахматова. Очерк творчества. – Л. : Лениздат, 1966. – С. 34, 37–38.

УДК 821.09:821.161.2+821.133.1

Богдана Салюк

ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНІ АСПЕКТИ ТРИЛОГІЇ ВС. НЕСТАЙКА “ТОРЕАДОРИ З ВАСЮКІВКИ”

У статті трилогія Вс. Нестайка “Тореадори з Васюківки” трактується з позиції категорії інтертекстуальності. Досліджено типи міжтекстової взаємодії твору із прототекстами.

Ключові слова: інтертекстуальність, прототекст, алюзія, цитата.